

Оглавление

<i>Расставание</i>	9
Глава 1. Вся жизнь в тренировках	19
<i>Подготовка к штурму Эвереста</i>	40
Глава 2. Мой дом — это горы	45
<i>Эверест летом</i>	64
Глава 3. Больше пятисот стартовых номеров	77
Сегамы-2007: шесть секунд, которые все изменили	78
Хардрок: сто миль, чтобы поцеловать камень	83
Ультратрейл вокруг Монблана (UTMB)	88
Вертикальный километр Фулли	96
Пьерра-Мента, легенда и традиция	99
Нет, в Олимпийских играх я не участвовал	105
Сьерре — Зеналь, самый красивый горный маршрут	112
<i>Эверест осенью</i>	124
Глава 4. Мои товарищи по мечтам	129
Симон	130
Ули	138
Я сам	148
Стефан	151
Вивиан	154
<i>Эверест зимой</i>	158
Глава 5. Испытания, которые меняют тебя навсегда	165
<i>Эверест весной</i>	182
<i>Встреча</i>	200

Расставание

Я произнес: «Люблю тебя», хотя на самом деле хотелось признать совсем другое: «Мне жаль, что так получается».

Я пытался что-то говорить, будто оправдываясь: «Не переживай», «Я буду осторожен»... Но понимал, что у меня не было оправдания, которое могло бы показаться ей резонным, — ведь я собирался на авантюру, способную окончиться моей гибелью на высочайшей вершине планеты. С одной стороны, я знал, что рискую жизнью, с другой — понимал, что подниматься в горы мне необходимо для этой самой жизни. Мои решения направляются импульсами, которые сильнее и любви, и разума — и на которые я не могу повлиять.

Чувствуя себя нарциссом и эгоцентристом — а я и в самом деле именно таков, — я смог только пробормотать: «Пока». Потом достал из багажника рюкзак и захлопнул крышку — это вышло слишком резко. Ошеломленный громким звуком, я прикоснулся к заднему стеклу, чтобы сообщить ей, что можно ехать.

Было начало августа, но стояла прохлада. Мои легкие заполнил морской воздух. Тромсё — это рыбацкий городок на маленьком острове, окруженном фьордами и горами, на севере Норвегии, за полярным кругом. Летом на протяжении нескольких недель солнце вообще не садится, так что там постоянно светло. Кажется, время просто не останавливается — в полночь пожилые люди выходят на прогулку, а ранним утром уже можно увидеть, как кто-нибудь ремонтирует балкон или кладет черепицу. Такое ощущение, что на этой широте наступил коллективный экстаз во время бесконечного дня. При этом солнце светит мягко и никогда не поднимается высоко — движется по периферии

неба, окрашивая его густой пастелью в желтоватые или слегка оранжевые тона, которые постепенно переходят в интенсивный красный.

Город соединен с материком двумя длинными мостами над морем и одним подводным туннелем. Аэропорт, где я только что попрощался с любимым человеком, стоит на одном конце острова. Машина Эмили¹ удалялась от меня, и я помахал ей рукой, отправив воздушный поцелуй. Мне не хотелось оглядываться, и я прошел в здание аэропорта, пытаюсь совладать с накотившими слезами раньше, чем попаду на стойку регистрации. Начиналось путешествие, которое должно было привести меня на Эверест, и я понимал, что на пути будут трудности и опасности. Но мне ни на секунду не приходила в голову мысль отказаться от своей мечты.

За несколько часов до этого мы с Эмили вместе вышли на пробежку. Воспользовавшись тем, что все время было светло, мы побежали поздно вечером, после ужина, чтобы размять ноги и оживить ум. Это было необходимо после перенесенного стресса и напряжения — как раз перед этим мы организовали забег для нескольких сотен человек. Предыдущие несколько дней были наполнены бесконечными звонками, поездками туда-сюда на машине и рукопожатиями. Теперь короткая тренировка, которая должна была просто помочь проветриться, превратилась в целую *ночь* бега.

Мы побежали по узкой тропинке, удаляясь от городского шума, чтобы между нами и городом встали горы. Мягкий шепот ветра пришел на смену радиопередачам, доносящимся через полуоткрытые двери магазинчиков; чистый и свежий воздух — на смену духоте, запахам толпы и выхлопам. Из ног уходила накопившаяся скованность, и появилась приятная легкость. Мы поднялись до первой вершины и продолжили, не останавливаясь ни на секунду. Потом мы ушли с тропинки и направились к полям и другим пикам, совсем не связанным с изначально предполагавшимся маршрутом. Влажная заиндевелая трава под ногами резко контрастировала с твердым сухим черным

¹ Эмили Форсберг — неоднократный чемпион Европы и мира, победитель и призер множества горных марафонов и других соревнований по скайраннингу (бегу на высоте) и ски-альпинизму. *Прим. ред.*

асфальтом; постепенно ритм наших сердец стал более размеренным, схожим с «там-тамом» наших шагов.

Мы бежали рука об руку, погруженные в покой, столь непохожий на водоворот последних дней. Но счастье не может быть полным: это было невеселое молчание, потому что оно предшествовало расставанию и напоминало о нем. Время от времени мы пытались заговорить, чтобы нарушить эту ужасно некомфортную немоту, но голосовые связки не реагировали.

И потом, в машине, по пути в аэропорт, мы оба так и не смогли выразить то, что ощущали уже некоторое время: страхи и сожаления. Так, негласно, мы заключили пакт молчания, которое продолжилось до моего возвращения из экспедиции. Это было неписаное соглашение, необходимое, чтобы не поссориться перед прощанием.

Город за окном самолета уменьшался и наконец исчез. Прильнув к стеклу, я не отрываясь смотрел на тень самолета, которая скользила по фьордам и все еще заснеженным пикам, пропадавшим и внезапно выраставшим между долинами и холмами. Я знал все эти дороги и горные гребни, но с воздуха обнаруживал новые тропы и уже представлял, как буду бежать по ним после возвращения. Одновременно я, признаюсь, чувствовал себя предателем и надеялся, что эти горы меня простят за поездку к другим.

Я думал о том, что должен был сказать Эмели на той совместной пробежке, облегчить мучения, которые она совершенно точно испытает, пока мы будем далеко друг от друга. Какая-нибудь изящная шутка или остроумный комментарий помогли бы снизить напряжение этого момента, но я не из тех, кто способен на быстрые реакции. Я чувствую покой в горах, потому что они, как сказал Райнхольд Месснер¹, ни лживы, ни правдивы — они просто опасны. А в моменты опасности можно принимать решения, которые кажутся логичными. В горах у меня нет сомнений, как действовать в непредвиденных

¹ Итальянский альпинист (род. 1944), первым покоривший все 14 восьмитысячников, некоторые из них в одиночку. *Прим. перев.*

обстоятельствах. Напротив, в менее предсказуемом мире личных отношений меня будто парализует и я не могу ничего решить, пока не становится слишком поздно. Должен признать, что никогда не находил взаимопонимания с людьми, неважно какими — хорошими, плохими или опасными.

Вскоре мы влетели в облако и земля за окном исчезла, а турбулентность заставила меня вернуться в реальность. Когда улетаешь, всегда возникают противоречивые чувства: преходящая свобода, как от побега, и ностальгия по знакомому теплу, которое оставляешь позади.

В багажном отсеке самолета лежал мой чемодан в двадцать разрешенных авиакомпанией килограммов, на грани перевеса. Я скрупулезно рассчитал возможность уместить в него все необходимое для этого путешествия, чтобы покорить великую вершину. Больше не поместилось бы ничего, даже перышка.

Подготовка получилась, как мне казалось, почти идеальной. Последний месяц я провел в Альпах и большую часть времени находился выше четырех тысяч метров. Я хорошо себя чувствовал на высоте и предвидел трудности, с которыми мог столкнуться.

Есть один очень важный аспект перед покорением вершины, который невозможно определить количественно, в отличие от оставленных за спиной километров и преодоленных трудностей. Этот аспект — чувство достаточной мотивации и покоя, обязательных для восхождения. Это уверенность, связанная с ощущением полного комфорта при нахождении там, где, руководствуясь исключительно разумом, ты чувствовал бы себя как раз весьма неуверенно. Я понимал, что прихожу именно в это состояние, когда красная черта ожидаемого риска пролегает выше обычного уровня. С одной стороны, это меня успокаивало, с другой — заставляло бояться себя самого. Я не мог однозначно сказать, как решу дилемму, если передо мной встанет выбор между желанием продолжить опасное восхождение и любовью, которая дарит покой и до какой-то степени не позволяет перейти линию невозврата. Но я отгоняю самую мысль о таком выборе — есть вещи, которые нельзя

взвешивать на одних весах. Все просто: для жизни мне нужно и то и другое. По крайней мере, это я ощущал в тот момент.

Тележка с ужином приблизилась к нашему ряду. Спешащая стюардесса с улыбкой предложила мне выбор: курица с рисом или макароны с овощами. Она говорила по-английски с явным акцентом, и было понятно, что это не ее родной язык. Я выбрал пасту и, как клон других пассажиров, в точности повторил их движения. Все мы одновременно включились в эту хореографическую связку: открыли крошечную картонную коробку-поднос, сняли фольгу, закрывающую горячее блюдо, обожгли пальцы, потому что его слишком сильно разогрели, и, наконец, разорвали прозрачный пластиковый пакетик с приборами, чтобы достать вилку и ухватить ей несколько листиков салата. Все мы искоса рассматривали порцию пудинга с левой стороны подноса: «Интересно, там шоколадная начинка?»

Наверняка шоколадная.

Не знаю почему, но я не мог справиться с этим судком промышленных макарон — я возил их вилкой туда-сюда и, хотя мог есть по привычке, совершенно не хотел. Я попытался равномерно распределить содержимое коробки, чтобы снова ее закрыть, но ничего не получилось. Как мог, я сложил предметы один на другой и сдвинул на угол столика, надеясь, что стюардесса вернется и заберет все это.

Межконтинентальные перелеты напоминают длинный визит в торговый центр в большом городе. Там всегда есть плачущие дети и молодежь, которая не прекращает болтать вполголоса, время от времени разражаясь хохотом или вскрикивая. Еда плохого качества, завлекательные предложения о покупке вещей, которыми ты никогда не воспользуешься, а еще фильмы, музыка или игры, чтобы провести время без малейшего удовольствия.

Такая атмосфера расставляет ловушки, в которые попадает продуктивность. В попытке их избежать я открыл блокнот, в котором планировал вести дневник экспедиции и записывать важное: ежедневные данные о моей активности, разницу уровней в метрах и достигнутые высоты, ощущения в ходе акклиматизации или метеорологические

сведения. Я пытался что-то записать, но из-за множества людей вокруг и клаустрофобной обстановки никак не мог нарушить белизну страницы.

Злой на себя за неспособность сделать что-то полезное, я поддался искушению и выбрал фильм на экране в спинке переднего кресла. К счастью, вскоре после начальных титров я уснул.

Мне снилось, что я в лесу. Вокруг большие деревья. Не гигантские, как американские секвойи, а скорее из обычного леса, как в Пиренеях, но совершенно ненормальных пропорций. Я как будто видел их снизу, с высоты ребенка или небольшого зверя.

Несмотря на атмосферу покоя, лес меня пугал; казалось, что всё его нутро движется с головокружительной скоростью. Я пошел в каком-то направлении, чтобы выйти из него, но он будто вращался вместе со мной, не позволяя выбрать правильную дорогу. Я побежал, но лес настаивал на своем, продолжая поворачиваться и двигаться с той же скоростью, что и я. Ноги не реагировали, они были как из свинца; несмотря на то что я спортсмен элитного уровня, мои ступни завязли в слое мха и хвои. Когда мне показалось, что я наконец смог сбросить с ног эту тяжесть, лес резко накренился, как лодка в сильный шторм, и заставил меня упасть. Лес удерживал меня, не давая сбежать.

Я различал тени животных, мелькавшие между деревьями. Казалось, их там десятки. Они были огромными и подступали со всех сторон, все сужая круг. Когда они приблизились так сильно, что готовы были меня раздавить, я вдруг осознал, что на самом деле животное только одно — кто-то вроде мамонта на длинных лапах, передвигавшийся большими прыжками. Я присмотрелся к зверю: теперь это был уже не мамонт, а гигантский кролик или заяц.

Вдруг кто-то начал стучать по одному из деревьев, как будто топором. Тук-тук! Прямо над моей головой. Я почувствовал, что заяц (или кто там это был) схватил меня за плечо. Тук-тук!

— Прошу прощения, желаете что-то из напитков? — спросила стюардесса, и я, вздрогнув, проснулся.

Сонной гримасой я дал ей понять, что ничего не хочу, и она продолжила толкать тележку в сторону хвоста самолета. В этот момент до меня

дошло: мне снилась Петита! Зайчик, которого я в детстве подобрал в грозу в лесу позади перевалочного пункта, где мы жили. Во сне она была огромной, но когда я ее спас, это был крошечный раненый зайчонок. В тот вечер много лет назад я принес ее домой, накормил, напоил и взял спать в свою комнату. Через несколько дней, восстановив силы, она усеяла всю мою комнату пометом, а когда я спал, безостановочно бегала под одеялом. Тогда родители сказали, что нужно ее отпустить. Мне не хотелось. Это моя зайчиха! Я нашел ее и спас, я построил ей довольно большой вольер рядом с домом, чтобы ей было где бегать, и я каждый вечер кормил ее, когда приходил из школы.

Несмотря на все это, однажды через несколько месяцев я вернулся с занятий, пошел к зайчихе и увидел, что она умерла. Я плакал и плакал, не переставая задаваться вопросом, что я сделал не так. Мне не сразу пришло в голову, что, пытаясь ухаживать за ней, я ее убил. Зайчиха предпочла умереть, чтобы не жить в заключении. Тогда я понял, что есть животные, которые привязаны только к одному — к свободе.

Спустя три дня после этого перелета я чувствую себя невероятно далеко от всего, что оставил позади: от покрытых инеем полей, где ноги становились мокрыми во время пробежек с Эмели, и от молчания, которое мы оба хотели нарушить, но не знали как. Почему никто из нас ничего не сказал? Далеко позади остались наши объятия, город, пробки, шум и нервозность по дороге в аэропорт — из-за еле едущих машин впереди я чуть не опоздал. Так же далеки теперь мой блокнот с записками для подготовки и зайчиха Петита из моего сна.

Теперь я здесь, попавший в переделку, которой сам так ждал.

Если посмотреть вперед, назад или вверх, то видно лишь обволакивающую белизну. Внизу — мои ноги, увязшие в снегу. И тишина вокруг — такая интенсивная, что мерещится далекий свист.

На самом деле никакой тишины нет: есть глубокое дыхание; жесткие порывы ветра; снежинки, которые падают с неба, противятся потокам воздуха и поднимаются со всех сторон, во всех направлениях, чтобы врезаться в мою куртку с ритмичным «пам-пам-пам». Вокруг столько шума, что он сам себя нейтрализует. Поэтому я слышу только

тишину. Тишина в ушах и перед глазами... Диагональная линия передо мной отделяет два очень близких оттенка белого, позволяя догадаться, что я приближаюсь к резкому спуску. Это уклон, который теряется в снежной буре в нескольких метрах впереди. Глубокие следы, которые я оставляю, почти мгновенно исчезают, заполняясь снегом. Давай, еще шаг! Снег достает уже до колен и скоро станет плотным под воздействием ветра.

Все органы чувств подсказывают, что эта стена в две тысячи метров, которая еще пару часов назад казалась безобидной, вот-вот, в течение нескольких секунд, превратится в страшную опасность, в ловушку, скрывающую снежные лавины. Я всаживаю ледорубы как можно глубже. Мои товарищи где-то позади, и мне не удастся их увидеть — их поглотил густой туман.

Перед каждым следующим шагом возникает одна и та же мысль: «Станет ли эта вершина моей последней? И что я вообще здесь делаю?»

Это долгая история. Она началась совсем не в тот момент, когда мы попрощались с Эмели. Не тогда, когда я сел в самолет до Непала, и даже не тогда, когда в юности представлял себе покорение Эвереста. Эта история, хотя я сам этого не знал, началась намного раньше. Сейчас я вам ее расскажу.